

В. ВЕРЕСАЕВ

ПОВЕСТИ
и рассказы

Викентий Викентьевич Вересаев

Звезда (Рассказы)

Над краем царила вечная, черная ночь. Гнилые туманы поднимались над болотистой землей и стлались в воздухе. Люди рождались, росли, любили и умирали в сыром мраке. Но иногда дыхание ветра разгоняло тяжелые испарения земли. Тогда с далекого неба на людей смотрели яркие звезды. Наступал всеобщий праздник. Люди, в одиночку сидевшие в темных, как погреб, жилищах, сходились на площадь и пели гимны небу. Отцы указывали детям на звезды и учили, что в стремлении к ним – жизнь и счастье человека...

Викентий Вересаев
Звезда
Восточная сказка

Это случилось в давние времена, в далеком, неведомом краю.

Над краем царила вечная, черная ночь. Гнилые туманы поднимались над болотистой землей и стлались в воздухе. Люди рождались, росли, любили и умирали в сыром мраке.

Но иногда дыхание ветра разгоняло тяжелые испарения земли. Тогда с далекого неба на людей смотрели яркие звезды. Наступал всеобщий праздник. Люди, в одиночку сидевшие в темных, как погреб, жилищах, сходились на площадь и пели гимны небу. Отцы указывали детям на звезды и учили, что в стремлении к ним – жизнь и счастье человека. Юноши и девушки жадно вглядывались в небо и неслись к нему душою из давившего землю мрака. Звездам молились жрецы. Звезды воспевали поэты. Ученые изучали пути звезд, их число, величину и сделали важное открытие: оказалось, что звезды медленно, но непрерывно приближаются к земле. Десять тысяч лет назад – так говорили вполне достоверные источники – с трудом можно было различить улыбку на лице ребенка за полто-

ра шага. Теперь же всякий легко различал ее за целых три шага. Не было никакого сомнения, что через несколько миллионов лет небо засияет яркими огнями, и на земле наступит царство вечного лучезарного света. Все терпеливо ждали блаженного времени и с надеждою на него умирали.

Так долгие годы шла жизнь людей, тихая и безмятежная, и согревалась она кроткою ве­рою в далекие звезды.

Однажды звезды на небе горели особенно ярко. Люди толпились на площади и в немом благоговении возносились душою к вечному свету.

Вдруг из толпы раздался голос:

– Братья! Как светло и чудно там, в высоких небесных равнинах! А у нас здесь как сыро и мрачно! Томится душа моя, нет ей жизни и воли в вечной тьме. Что до того, что через миллионы лет жизнь наших дальних потомков озарится непреходящим светом? Нам, нам нужен этот свет. Нужен больше воздуха и пицци, больше матери и возлюбленной. Кто знает, быть может, есть путь к звездам. Быть

может, мы в силах сорвать их с неба и водрузить здесь, среди нас, на радость всей земле. Пойдемте же искать пути, пойдемте искать света для жизни!

В собрании было молчание. Шепотом люди спросили друг друга:

– Кто это?

– Это – Адеил, юноша безрассудный и непокорный.

Опять было молчание. И заговорил старый Тсур, учитель умных, свет науки:

– Милый юноша! Всем нам понятна твоя тоска. Кто в свое время не болел ею? Но невозможно человеку сорвать с неба звезду. Край земли кончается глубокими провалами и безднами. За ними крутые скалы. И нет через них пути к звездам. Так говорят опыт и мудрость.

И ответил Адеил:

– Не к вам, мудрые, и обращаюсь я. Ваш опыт бельмами покрывает глаза ваши, и мудрость ваша ослепляет вас. К вам взываю я, молодые и смелые сердцем, к вам, кто еще не раздавлен дряхлою старческой мудростью!

И он ждал ответа.

Одни сказали:

– Мы бы рады пойти. Но мы свет и радость в очах родителей наших и не можем причинить им печали.

Другие сказали:

– Мы бы рады пойти. Но мы только что начали строить наши дома, и нам нужно достроить их.

Третьи сказали:

– Привет тебе, Адеил! Мы идем с тобою!

И поднялись многие юноши и девушки. И пошли за Адеилом. Пошли в темную, грозную даль. И тьма поглотила их.

Прошло много времени.

Об ушедших не было вести. Матери оплакали безрассудно погибших детей, и жизнь потекла по-прежнему. Опять в сыром мраке родились, росли, любили и умирали люди с тихой надеждою, что через тысячи веков на землю низойдет свет.

Но вот однажды над темным краем земли небо слабо осветилось мелькающим светом. Люди толпились на площади и спрашивали:

– Что это там?

Небо с каждым часом светлело. Голубые лучи скользили по туманам, пронизывали облака, широким светом заливали небесные равнины. Угрюмые тучи испуганно клубились, толкались и бежали вдаль. Все ярче разливались по небу торжествующие лучи. И трепет небывалой радости пробегал по земле.

Пристально вглядывался вдаль старый жрец Сатзой. И сказал задумчиво:

– Такой свет может быть только от вечной небесной звезды.

И возразил Тсур, учитель умных, свет науки:

– Но как могла звезда спуститься на землю? Нет нам пути к звездам, и нет звездам пути к нам.

А небо светлело, светлело. И вдруг над краем земли сверкнула слепяще яркая точка.

– Звезда! Идет звезда!

И в бурной радости побежали люди навстречу.

Яркие, как день, лучи гнали перед собою гнилые туманы. Разорванные, взлохмаченные туманы метались и приникали к земле. А лучи били по ним, рвали на части и вгоняли

в землю. Осветилась и очистилась даль земли. Люди увидели, как широка эта даль, сколько вольного простору на земле и сколько братьев живет во все стороны от них.

И в бурной радости бежали они навстречу свету.

По дороге тихим шагом шел Адеил и высоко держал за луч сорванную с неба звезду. Он был один.

Его спросили:

– Где же остальные?

Обрывающимся голосом он ответил:

– Все погибли. Прокладывали пути к небу сквозь провалы и бездны. И погибли смертью храбрых.

Ликующие толпы окружили звездоносца. Девушки осыпали его цветами. Гремели клики восторга:

– Слава Адеилу! Слава принесшему свет!

Он вошел в город, и остановился на площади, и высоко в руке держал сиявшую звезду. И по всему городу разлилось ликование.

Прошли дни.

По-прежнему ярко сияла на площади звез-

да в высоко поднятой руке Аде-ила. Но давно уже не было в городе ликования. Люди ходили сердитые и хмурые, потупив взоры, и старались не смотреть друг на друга. Когда им приходилось идти через площадь, глаза при виде Адеила загорались мрачною враждою. Не слышно было песен. Не слышно было молитв. На место разогнанных звездою гнилых туманов над городом невидимым туманом сгущалась черная, угрюмая злоба. Сгущалась, росла и напрягалась. И под гнетом ее нельзя было жить.

И вот с воплем выбежал на площадь человек. Горели глаза его, лицо исказилось от разрывавшей душу злобы. В безумии бешенства он кричал: – Долой звезду! Долой проклятого звездоносца!.. Братья, разве не души всех вас вопят моими устами: долой звезду, долой свет, – он лишил нас жизни и радости! Мы мирно жили во мраке, мы любили наши милые жилища, нашу тихую жизнь. И смотрите, что такое случилось? Пришел свет, – и нет уж отрады ни в чем. Грязными, уродливыми кучами теснятся дома. Листья деревьев бледны и склизки, как кожа на брюхе лягушки. По-

смотрите на землю, – она вся покрыта кроваво-вою грязью. Откуда эта кровь, кто знает? Но она липнет к рукам, ее запах преследует нас за едою и во сне, он отравляет и обессиливает наши смиренные молитвы к звездам. И нигде нет спасения от дерзкого, всепроникающего света! Он врывается в наши дома, и вот мы видим: все они облеплены грязью; грязь въелась в стены затушила окна, вонючими кучами громоздится в углах. Мы больше не можем целовать наших возлюбленных: при свете Адеиловой звезды они стали отвратительнее могильных червей; глаза их бледны, как мокрицы, мягкие тела покрыты пятнами и отливают плесенью. И друг на друга уж не можем мы больше смотреть, – не человека видим мы перед собою, а поругание человека... Каждый наш тайный шаг, каждое скрытое движение освещает неумолимый свет. Невозможно жить! Долой звездоносца, да погибнет свет!

И подхватили другие:

– Долой! Да живет тьма! Только горе и проклятие приносит людям свет звезд... Смерть звездоносцу!

И грозно заволновалась толпа. И бешеным ревом старалась опьянить себя, задушить ужас перед великою хулою своею на свет. И двинулась на Адеила.

Но смертельно ярко сияла звезда в руке звездоносца, и люди не могли подойти к нему.

– Братья, стойте! – вдруг раздался голос старого жреца Сатзоя. – Тяжкий грех берете вы на душу, проклиная свет. Чему мы молимся, чем мы живем, как не светом? Но и ты, сын мой, – обратился он к Адеилу, – и ты совершил не меньший грех, снесши звезду на землю. Правда, великий Брама сказал: «Блажен, кто стремится к звездам». Но дерзкие своею мудростью люди неправильно поняли слово Всемирночтимого. Ученики учеников его растолковали истинный смысл темного слова Всеумудрого: к звездам человек должен стремиться лишь помыслами, а на земле тьма столь же священна, как на небе свет. И вот эту-то истину презрел ты своим вознесшимся умом. Раскайся же, сын мой, брось звезду, и да воцарится на земле прежний мир!!

Усмехнулся Адеил.

– А ты думаешь, если я ее брошу, мир на земле не погиб уже навеки?

И с ужасом почуяли люди, что правду сказал Адеил, что прежний мир уже не воротится никогда.

Тогда выступил вперед старый Тсур, учитель умных, свет науки.

– Безрассудно поступил ты, Адеил, и сам видишь теперь плоды своего безрассудства. По законам природы жизнь развивается медленно. И медленно приближаются в жизни далекие звезды. При их постепенно приближающемся свете постепенно перестраивается и жизнь. Но ты не хотел ждать. Ты на свой страх сорвал звезду с неба и ярко осветил жизнь. Что же получилось? Вот она кругом перед нами – грязная, жалкая и уродливая. Но разве мы раньше не догадывались, что она такова? И разве в этом была задача? Не велика мудрость сорвать с неба звезду и осветить ею уродства земли. Нет, возмись за черную, трудную работу переустройства жизни. Тогда ты увидишь, легко ли очистить ее от накопившейся веками грязи, можно ли смыть эту грязь хотя бы целым морем самого лучезар-

ного света. Сколько в этом детской неопытности! Сколько непонимания условий и законов жизни! И вот вместо радости ты принес на землю скорбь, вместо мира – войну. А ты мог бы, и теперь можешь быть полезным жизни: разбей звезду, возьми из нее лишь осколок, – и осколок этот осветит жизнь как раз настолько, сколько нужно для плодотворной и разумной работы над нею.

И ответил Адеил:

– Ты верно сказал, Тсур! Не радость принесла сюда звезда, а скорбь, не мир, а войну. Не этого ждал я, когда по крутым скалам карабкался к звездам, когда вокруг меня обрывались и падали в бездну товарищи... Я думал: хоть один из нас достигнет цели и принесет на землю звезду. И в ярком свете наступит на земле яркая, светлая жизнь. Но когда я стоял на площади, когда я при свете небесной звезды увидел вашу жизнь, я понял, что безумны были мои мечты. Я понял: свет нужен вам лишь в недосягаемом небе, чтоб преклоняться перед ним в торжественные минуты жизни. На земле же вам всего дороже мрак, чтоб прятаться друг от друга, и, главное,

радоваться на себя, на свою темную, проеденную плесенью жизнь. Но еще больше, чем прежде, почувал я, что невозможно жить этою жизнью. Каждой каплею своей кровавой грязи, каждым пятном сырой плесени она немолчно вопиет к небу... Впрочем, могу вас утешить: светить моей звезде недолго. Там, в далеком небе, висят звезды и светят сами собою. Но сорванная с неба, снесенная на землю звезда может светить, лишь питаясь кровью держащего ее. Я чувствую, жизнь моя, как по светильне, поднимается по телу к звезде и сторает в ней. Еще немного, и жизнь моя сторит целиком. И нельзя никому передать звезду: она гаснет вместе с жизнью несущего ее, и каждый должен добывать эту звезду вновь. И к вам обращаюсь я, честные и смелые сердцем. Познав свет, вы уж не захотите жить во мраке. Идите же в далекий путь и несите сюда новые звезды. Долог и труден путь, но все-таки для вас он будет уж легче, чем для нас, впервые погибших на нем. Тропинки проложены, пути намечены. И вы воротитесь со звездами, и не иссякнет больше их свет на земле. А при неугасающем их свете невоз-

можною станет такая жизнь, как теперь. Высохнут болота. Исчезнут черные туманы. Ярко зазеленеют деревья. И те, которые теперь в ярости кидаются на звезду, волею-неволею возьмутся за переустройство жизни. Ведь и вся их злоба теперь оттого, что при свете, — они чувствуют, — им невозможно жить так, как они живут. И жизнь станет великою и чистою. И прекрасна будет она при лучезарном свете питаемых нашею кровью звезд. А когда наконец опустится к нам звездное небо и осветит жизнь, то застанет людей достойными света. И тогда уж не нужна будет наша кровь, чтоб питать этот вечный, непроходящий свет...

Голос Адеила оборвался. Последние кровинки сбежали с бледного лица. Подогнулись колени звездоносца, и он упал. Упала вместе с ним звезда. Упала, зашипела в кровавой грязи и погибла.

Ринулась со всех сторон черная тьма и замкнулась над погасшею звездою. Поднялись с земли ожившие туманы, за клубились в воздухе. И жалкими, робкими огоньками светились сквозь них на далеком небе далекие, бес-

сильные и неопасные звезды.

Прошли годы.

По-прежнему в сыром мраке рождались, росли, любили и умирали люди. По-прежнему мирною и спокойною казалась жизнь. Но глубокая тревога и неудовлетворенность подтачивали ее во мраке. Люди старались и не могли забыть того, что осветила мимолетным своим светом яркая звезда.

Отравлены были прежние тихие радости. Ложь въелась во все. Благоговейно молился человек на далекую звезду и начинал думать: «А вдруг найдется другой безумец и принесет звезду сюда, к нам?» И язык заплетался, и благоговейное парение сменялось трусливою дрожью. Отец учил сына, что в стремлении к звездам – жизнь и счастье человека. И вдруг мелькала мысль: «А ну как в сыне и вправду загорится стремление к звездному свету, и, подобно Адеилу, он пойдет за звездой и принесет ее на землю!» И отец спешил объяснить сыну, что свет, конечно, хорош, но безумно пытаться низвести его на землю. Были такие безумцы, и они бесславно погибли, не при-

несши пользы для жизни.

Этому же учили людей жрецы. Это же доказывали ученые. Но напрасно звучали проповеди. То и дело разносилась весть, что некий юноша или некая девушка ушли из родного гнезда. Куда? Не по пути ли, указанному Адеилом? И с ужасом чувствовали люди, что если опять засияет на земле свет, то придется волею-неволею взяться наконец за громадную работу, и нельзя будет уйти от нее никуда.

Со смутным беспокойством вглядывались они в черную даль. И казалось им, что над краем земли уж начинает мелькать трепещущий отсвет приближающихся звезд.